

12+

Оператор

Жевнов Константин
Александрович

Константин Жевнов

Оператор

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жевнов К. А.

Оператор / К. А. Жевнов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-99305-1

Вы же слышали о параллельных измерениях? Кто же знает, что там за пределом... Главный герой, обычный школьник, прогулял три урока, пошёл в лесопарк и по дороге так споткнулся, что в результате ему пришлось робинзонить непонятно где...

ISBN 978-5-532-99305-1

© Жевнов К. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Константин Жевнов

Оператор

Родился я в Месопотамии две тысячи сто двадцать пять лет тому назад, в тот и день и в тот час произошло извержение вулкана Везувий, и видимо, в следствии, этого знаменательного события часть энергии вулкана передалась мне.... Ладно, это шутка. Родился я в 70-х годах 20 века в Москве, в самой свободной в мире стране Советском Союзе, правда для того чтобы понять, насколько велика была свобода в Союзе, нужно было полной мерой черпануть несвободы, но этого удовольствия мы были лишены. Москва, как известно понятие растяжимое, поэтому придется конкретизировать. Была на юге Москвы деревня «Чертаново», давшее название району, вот в самом центре этого Чертаново, я не только появился на свет, но и прожил первые тринадцать лет своей жизни.

С момента рождения биография моя не отличалась какой-то исключительностью, детский сад, ветрянка, игры во дворе, ангины, посещение зоопарка и наконец, школа. Ну, очень, средняя школа. Первая учительница, пятерки, игры на перемене, прием в октябрята, каникулы, первая четверка, игры в марки и фантики, первая драка, уроки, новые предметы, новые учителя, прием в пионеры, первая любовь, много уроков, первый прогул, вторая смена. Класс у нас был довольно большой, хотя не так чтобы очень дружный. Делился он на несколько абсолютно независимых групп по интересам и мировоззрению.

Да, кажется, я забыл представиться, Олег Иванов, на тот момент ученик 5 «Б» класса. Да уж, вот такая у меня редкая фамилия, в нашем классе у меня было аж двое однофамильцев, причем их еще и звали одинаково Женя. Правда, один из моих однофамильцев был девочкой. Но речь не об этом. В какие игры вы играли в детстве? Понятно, что в разные. Наверняка и в казаки-разбойники, и в прятки, и в палки-банки, а также во множество игр с мячом. Вспомнили? Во все это мы тоже играли, но в тот год главной игрой нашего двора, да, пожалуй, и не только двора стала игра в индейцев. Появлению этой игры способствовали три фактора. Первый это наличие прямо-таки в неприличной близости кинотеатра «Ашхабад». Второй прокат в нем фильмов с Гойко Митичем. И третий самый важный – Чертановский лес.

Где бы еще отважные пионеры-первопроходцы, смогли бы часами брести вдоль великой реки Чертановки, временами форсируя ее, в поисках... вот тут версии могли диаметрально расходиться, вплоть до драки, от поисков Эльдорадо или золота Макены, до вполне заурядной охоты на оленей и бобров. А в это время не менее отважные индейцы уже выходили на тропу войны и готовы были обогреть свои томагавки кровью бледнолицых. И неважно было, кем ты был в этот день Белым пером или Кожаным чулком, лес с радостью принимал и прятал под своими сводами всех.

В тот майский день, вместо того чтобы идти на два урока труда и физкультуру, я пошел в лес. Да я нагло прогуливал аж три урока. Правда у меня была уважительная причина, записка из медкабинета, что ученик Иванов снят с занятий по причине резкой боли в животе и отправлен прямиком домой. Я думаю, что наша школьная медсестра прекрасно понимала, что ученик Иванов злостный симулянт, но погода была такой солнечной, а взгляд злостного симулянта таким жалобным, что она написала мне записку для классного руководителя, и как выяснилось, запустила всю ту цепь событий, которые привели к началу этой истории.

Итак, счастливо избежав оставшихся уроков, я взял сумку с учебниками и изображая смертельно раненого бойца, медленно и печально прошел вдоль школы. И естественно, как только участок дороги, просматриваемый из окон, был преодолен, я мгновенно выздоровел и, значительно увеличив скорость, понесся к обычному месту встречи всех краснокожих и бледнолицых. Добравшись до ТЭЦ и не обнаружив компании на обычном месте, я отправился

вглубь лесопарка в надежде перехватить их по дороге. Мой путь лежал почти через весь лес на другую сторону, практически в Беляево.

Асфальтированные дорожки окультуренной части парка шли не совсем туда и к тому же сильно виляли, поэтому пользуясь тем, что последний дождь был больше недели назад, я бодро зашагал по одной из многочисленных тропинок, что вели примерно в нужном направлении. Я прошел уже полпути, когда вдруг обнаружил, прямо на тропинке пенек, недолго думая я его, залихватски перепрыгнул..., ну на самом деле попытался перепрыгнуть, и совершенно неожиданно умудрился зацепиться за его верхушку ногой.

Как каждый уважающий себя школьник пятого класса, я естественно знал несколько матерных выражений, особенно обогатил мои знания в этой области приход в наш класс мате-рого второгодника Сереги, но как правоверный пионер считал, что использование подобных слов ниже моего достоинства. Посему с громким кличем «БЛИИИИИ!», я полетел рыбкай... прямо в лужу. Готов поклясться, что только что никакой лужи здесь не было и вообще дождей не было давно, откуда же луже-то взяться?

Впрочем, упал я довольно удачно, даже руки успел выставить, да и лужа была не слишком глубока, но тут меня догнал груз знаний в виде школьной сумки. Груз был в принципе так себе, три учебника и сопутствующие тетради, но сумка, преобразованная из ранца, (а какой школьник пятого класса будет носить ранец?) была оснащена массивной металлической пряжкой-замком и естественно, по закону подлости или бутерброда, кому как больше нравится, удар пришелся именно этим закрывательным устройством прямехонько по затылку. Не столько по причине болезненности соприкосновения моего затылка со знаниями, сколько от неожиданности, я ткнулся лицом в грязь на дне лужи. Кое-как очистив лицо от грязи, проморгавшись и громко и довольно внятно оповестив окружающий мир о том, что я думаю о лужах, пеньках на тропинках, отечественных замках на ранцах и превратностях жизни подстерегающих школьников пятых классов буквально за каждым поворотом на их жизненном пути, я, наконец, смог осмотреться.

Увиденное не так чтобы сильно напрягло, но удивило вполне прилично. Хотя, наверное, все окружающее было увидено и осознано мной одновременно, попробую разделить полученные впечатления на блоки. Во-первых, я сидел в приличных таких размеров теплой луже. Во-вторых, шел морозящий теплый дождь или даже скорее дождик. В-третьих, здесь придется сделать небольшое лирическое отступление, благодаря урокам природоведения и ботаники, а также неусыпному вниманию моей матушки к моему образованию, я вполне уверенно мог отличить от других и друг от друга где-то с десятков видов деревьев. Правда уверенней всего я опознавал два вида – березу обыкновенную чертановскую и елку, она же ель, что характерно тоже обыкновенную.

Так вот мои ботанические познания и весь тринадцатилетний опыт жизни не навязчиво подсказывали, что деревья, наблюдаемые мной из лужи, в Москве, равно как и в ближнем Подмоскowie не встречаются или встречаются довольно редко. А выглядели они действительно довольно необычно, абсолютно прямые стволы, обхватов в..., а кто же его знает во сколько, я не мерил, но явно не в два-три, со слабо светящейся серебристой корой, наличие на этих стволах кроны в тот момент я не заметил. Причем отстояли эти стволы друг от друга метров на двадцать, а то и на тридцать, поэтому создавалось ощущение не леса, а скорее необъятного зала с колоннами. И наконец, в-четвертых...

Я был не один. Можно даже сказать, меня окружала приличных размеров толпа, вот только, как бы это, хм, не совсем людей, а точнее даже совсем не людей. Хотя что-то человеческое в них было. В наличии у каждого из существ было две руки, две ноги, и одна не шибко симпатичная голова на, одном туловище. Ростом они были раза в два с половиной выше меня, а если сравнивать с моим лучшим школьным другом Юркой, то и во все три. На телах, руках и ногах была одежда, толи кожаная с меховыми вставками, толи меховая, но местами вытер-

тая до кожи, кроме того наличествовали сапоги или скорее унты, перетянутые несколькими кожаными шнурками. В руках существа держали громадные круглые щиты, обтянутые такими же шкура-кожами, как и те из которых была сделана их одежда, а также здоровенные топоры и дубины.

Из-за плеча у многих торчали рукояти, не пойми чего, но, наверное, тоже оружия. А у нескольких в руках были луки, примерно такие с которыми выходили на тропу войны наши индейцы, то есть палка, на палке натянута веревка, только луки у них были малость побольше, ну то есть побольше их роста, этакие согнутые копыя, в обхвате как моя рука. На головах у некоторых из них были высокие шапки, похожие на те, в которых в учебнике истории за пятый класс, рисуют монголо-татар. У других головы были не покрыты, а у одного, стоящего немного дальше от окружавшей меня толпы, на голове был, вроде бы, металлический шлем, увенчанный двумя оленьими рогами.

А вот с лицами или даже мордами все было несколько менее привычно и прилично. Существа имели кожу зеленовато-серого цвета. Низкие, я бы даже сказал очень низкие лбы, глубоко посаженные маленькие глазки, здоровенные треугольные, почти звериные уши, и нос, а вот с носом было совсем плохо, точнее очень хорошо, короче, здоровенные у них были носяры, любой грузин обзавидует, огромные на пол лица и с ярко выраженной горбинкой. Вот только низ подкачал, ноздри были, малость вывернуты, ну, как у коров, если видели. На головах росли волосы, причем, только по центру головы, помните прически Ирокезов? Вот у этих были точь-в-точь. И наконец, рты... Из ртов, тоже не маленьких размеров, торчали нижние клыки, очень похоже на кабанов, я в учебнике природоведения видел.

От всего увиденного мое сознание малость опешило и, выдав на-гора, не блещущую оригинальностью и мудростью мысль «Блин!», решило уйти на каникулы, передав управление телом более подготовленному к подобному подсознанию. Подсознание некоторое время осмысливало ситуацию и выдавив на поверхность две мысли «Замуровали демоны!» и почему-то «Зара-Бара-быс-бой!» тоже отказалось от каких-либо активных действий.

И вот, я сижу в луже, лупаю глазами, видимо маскируюсь под лягушку. А эти клыкастые стоят и смотрят на меня и тоже глазами лупают, в общем, в гляделки мы все явно проиграли. Так прошло некоторое время. Первым от нашего лупанья отошел тот клыкастый, который с рогами, он оторвался от созерцания моей лужи и меня в качестве ее главного украшения, осмотрел своих, и начал верещать, размахивая руками с зажатой в одной из них дубиной. Ну, верещать это я, наверное, загнул, как можно верещать басом? Но все равно, похоже было. В ответ на его вопли, от толпы отделились двое, один монголо-татарин и один ирокез, и потопали к моей луже. Подошли. Стоят. Монголо-татарин стоит, лупает. Ирокез тоже. А у меня внезапно с каникул возвращается сознание и начинает вместе с подсознанием активно намекать, что что-то здесь не так и пора бы вежливо делать ноги. Тут рогатый опять начал верещать и вывел из ступора ирокеза. Ирокез пожал плечами и выдал что-то типа:

– Агрых-грым-торох-гры-гра-грых.

Я как вежливый пионер, естественно ему ответил.

– Здравствуйте!

Ирокез вновь впал в легкий ступор, но ситуацию разрядил монголо-татарин.

– Грым-за-грых! Аграх-гую-гу, граха-грым!

При этом он несколько раз ударил себя в грудь рукой с зажатой дубиной. На это я подумал: «Серьезный мужик, и не боится же себе дубиной, хм... ноги отбить». Потом я немного еще подумал и не менее вежливо ответил.

– И вам здравствуйте, уважаемый Грымзагрых!

И вот тут вся толпа как-то резко выдохнула, зашевелилась и загудела. А рогатый чему-то сильно обрадовался и опять начал верещать. На его верещание отреагировали мои ирокез с монголо-татарин. Они как-то резко, что вообще не вязалось с их размерами, забросили

щиты себе за спину и оказались рядом со мной. Монголо-татарин схватил меня за ноги, причем одной рукой, во второй он сжимал свой топор. А ирокез так же схватил меня за руки, причем как он это умудрился сделать я, так и не понял, вроде бы руки у меня были внизу, одна в луже о землю упиралась, вторая на колене, и вдруг раз и обе на верху, запястье к запястью, и их сжимает ирокезовская лапища.

Схватили они меня и потащили к рогатому. Оказавшись повыше, я увидел, что буквально в сотне метров за спиной у рогатого протекает широкий ручей или даже скорее небольшая речка, а кроме того наконец увидел кроны серебристых великанов. Надо сказать, что вид крон ввел меня в некоторое оцепенение. Стволы тянулись вверх на добрых метров пятьдесят-семьдесят, без единого сучка или веточки, а выше были кроны. Нет, не так, КРОНЫ! Перевитые между собой громадные ветви в серебристо-золотисто-зеленоватой листве, через которую не было видно даже кусочка неба.

Однако пока я предавался созерцанию окружающего пейзажа, мои клыкастые почти дотащили меня до рогатого. Сказать, что я не был испуган, наверное, нельзя. Правильнее сказать, я настолько офонарел от происходящего и видимого мной, что просто не успел испугаться. Когда до рогатого осталось не больше десятка метров, воздух наполнился странным свистом. У тащившего меня за ноги монголо-татарина неожиданно между кромкой щита и шапкой появилось украшение в виде длинной белой палочки с пером на конце.

Видимо это украшение не способствовало возможности дальнейшей транспортировки меня к рогатому, так как лапа монголо-татарина разжалась и мои ноги неожиданно обрели свободу. Полусекундой позже свободу также обрели и руки. Под действием силы тяготения с ускорением в $1g$, я рухнул вниз с почти метровой высоты. Закон подлости и тут не оплошал, поэтому ударившись ногами о землю, я тут же приложился пятой точкой к гадскому закрывающему устройству на моей сумке. Как можно было так извернуться на ремне сумке, чтобы замку оказаться не вниз к земле, а вверх, мне решительно не понятно и кажется вовсе противоречит законам физики, впрочем, я ее учу первый год, поэтому возможно знаю не все законы, описывающие поведение сумок, переделанных из ранцев.

В общем, не важно, приложившись о сумку и позорно взвизгнув, я огляделся и попытался осознать происходящее. И ирокез, и монголо-татарин валялись на земле и не подавали признаков желания продолжать наше знакомство и путешествие. Толпа клыкастых около лужи ломилась в противоположную от меня сторону, на бегу перестраиваясь из толпы в подобие древнегреческой фаланги. При этом клыкастые свирепо орали свои: «Грым, грых» – ну или что-то очень похожее.

А вот прямо передо мной происходило нечто. В центре композиции стоял рогатый, в одной высоко поднятой руке он сжимал свою дубину, а в другой на уровне груди какую-то резную деревяшку, висевшую у него на шее. Перед ним, наверное, на расстоянии метра висела..., да не знаю я, что это было, больше всего похоже на исполинских размеров мыльный пузырь, только плоский. И в пленку этого пузыря били стрелы, много стрел. Когда стрелы соприкасались с пузырем, они вспыхивали, странным бездымным не ярким пламенем. Некоторые сгорали полностью, от других оставались кончик пера, а то и часть древка, падавшие на землю перед пленкой. А из резной деревяшки периодически вылетали лучи, очень похожие на те, которыми принцесса Лея стреляла в штурмовиков, в фильме «Звездные войны» почему-то часть четвертая, только были желтого цвета.

Я сидел на своей сумке и заморожено смотрел на происходящее. Но тут мыльный пузырь лопнул со звуком разбитого хрустального бокала, и через мгновение, рогатый стал напоминать пернатого дикобраза. Вот в этот момент ступор, в котором я прибывал с момента попадания в лужу меня и отпустил, и здесь можно смело сказать, я испугался, безумно испугался. Все что происходило до этого и как-то не доходило до моего сознания, ощущаясь скорее, как сон, резко превратилось в реальность, и это было как ушат ледяной воды. То, что происходило дальше,

не так чтобы контролировалось мной, подсознание, очнувшись, приняло решение спасти мое тело, пока оно не превратилось в тушку. Я вскочил и бросился к речке, зачем я на бегу подхватил эту резную хреновину, которую держал в руке рогатый, для меня до сих пор абсолютный секрет. Подсознание, наверное, решило, что рогатому эта штука уже не к чему, а мне еще очень даже может и пригодиться.

Так, я, наверное, не бегал никогда, даже когда сдавали стометровку. Добежав до берега, я в прямом смысле, кубарем скатился в воду, а когда в метре от меня в воду на излете ткнулась стрела, моя резвость превзошла все собственные ожидания. Вы пробовали бежать по воде? А по колено в воде? В тот момент это меня как-то вообще не напрягало. На одном дыхании я пролетел с километр по руслу реки, правда по колено я провалился только пару раз, в остальное время вода была по щиколотку или чуть выше. В голове даже мыслей не было, лишь где-то на очень дальней периферии сознания пульсировала фраза: «Твою налево, через коромысло» – правда, что именно выражала эта фраза я ответить затрудняюсь. Лишь перестав слышать шум боя и крики сражавшихся (знать бы еще с кем клыкастые сражались?), преследовавшие меня пока я удирал по речке, я внезапно осознал, насколько же устал.

Некоторое время, я еще упрямо топал вперед, а потом понял, что еще пару шагов, и я просто упаду и утону. Голова была девственно пуста, навалилась апатия, хотелось просто сесть, а еще лучше лечь, и будь, что будет. Наверное, там мое приключение и закончилось бы, но глаза уперлись в очень знакомый предмет. На другом, глубоком берегу речки, стоял плот. Самый обычный плот, прям как на картинках в книге про Робинзона, только без мачты. Мозг вяло переварил эту информацию, и я медленно поплелся к плоту. Речка не обладала ни быстрым течением, ни особенной глубиной, тем не менее, ее форсирование отняло у меня последние силы. Добравшись до плота, я просто рухнул на него, и этим случайно, отогнал его от берега, к которому он не был никак закреплен.

Что было дальше, я не знаю. Я просто вырубился. Проснулся я от солнечных лучей, бивших казалось прямо в глаза, спокойно потянулся и резко вспомнил все, что происходило до того, как уснул. Вспомнил и вскочил, чуть не сверзившись с плота. Пока я спал, плот каким-то чудом вынесло течением в довольно большое озеро, и сейчас он слегка покачивался метрах в тридцати от берега толи мыса, толи острова. На берегу росли нормального размера кусты и деревца. А самое главное на деревцах висели груши, ну может и не груши, но что-то очень на них похожее. Организм тут же сообщил, что он только завтракал, и то, похоже, вчера, и пара-тройка груш – это как раз именно то, чего ему очень сильно не хватает.

Я никогда в жизни, не плавал на плоту, даже на лодке выходил всего пару раз, но был очень неплохо знаком с произведениями Купера, Лондона и Рида. Посему решение задачи, пришло мгновенно, нужно спуститься в воду со стороны плота обратной суше и, изображая ногами двигатель, подогнать свое плавсредство к берегу. Уже начав выполнение задуманного я неожиданно осознал, что в правой руке у меня намертво зажата резная штукавина, позаимствованная у рогатого, а на плече по-прежнему висит школьная сумка. Сумку открывать было откровенно страшно, так как я живо представил себе, что я увижу внутри. Тетради ладно, в крайнем случае, перепишу, а вот учебники... Деревяшка аккуратно была уложена на настил плота и накрыта сумкой, чтобы случайно не скатилась в воду.

Я слез в воду и начал толкать плот. Минут через десять, у меня появилось легкое чувство, что-либо я делаю что-то не то, либо товарищ (а может господин?) Рид, отправляя своих героев на подобное мероприятие, очень слабо представлял физический процесс толкания тяжелого плота силами одного человека на спокойной воде. Нельзя сказать, что я совсем не приблизился к берегу. Но по ощущениям, работать двигателем мне предстояло еще минут двадцать, а то и все тридцать. Вода не была холодной, но все равно я уже прилично устал болтать ногами и начал потихоньку замерзать.

Когда я уже всерьез решил отказаться от этого гиблого процесса, немного передохнуть на плоту и просто переплыть оставшееся расстояние, то задел что-то ногой. На плоту я оказался раньше, чем успел бы произнести слово «мама». Выглянул за борт и со всей очевидностью понял, что я – идиот. До дна было не больше чем полметра. Процесс швартовки плота к берегу оказался не самым простым занятием, но я считаю, что справился с ним не плохо. Мне удалось завести плот в небольшую бухточку с маленьким пляжем, и даже на четверть вытащить его на берег.

Итак, судно было заведено в надежную гавань, паруса убраны, якоря отданы, а экипаж счастливо и с честью перенесший все тяготы и лишения путешествия отпущен на берег. Для него наступило время отдыха по кабакам и тавернам (всегда было интересно, чем одно отличается от другого). Экипаж, то есть я, отправился за грушами с целью вознаградить свой истощавший организм за все трудности последнего времени. Деревца были не высокими, максимум в два моих роста и буквально усыпанными плодами. При ближайшем рассмотрении груши оказались... грушами, только немного странного цвета и, казалось, светились изнутри.

Эти странности несколько не смутили меня, и уже через несколько минут команда вкушала изысканные яства и дары тропических островов, возлегая в шезлонгах под прибрежными пальмами, ну хорошо не пальмами, а кустами и не в шезлонгах, а прямо на песке, какая разница то? Отобедав или отленчевав (можно подумать, что вы знаете производное от слова ленч), я, внутренне ужасаясь тому, что сейчас увижу, открыл сумку. Хм, в принципе все было совсем не так плохо, как я себе нафантазировал. Конечно, содержимое сумки подмокло, но отнюдь не выглядело, как после купания. А вот попытка достать тетрадь успехом не увенчалась. Точнее вместе с тетрадью стало доставаться все содержимое сумки, причем оно чем-то постоянно цеплялось за нее. Когда я до половины достал всю стопку, моим глазам предстал обломок белой палочки торчащей из учебника литературы.

Вы поверьте, я обычно довольно шустро соображаю, но здесь я минуты три тупо пялился на обломок этой палочки, прежде чем понял, что это. Вот тут-то меня и проняло по-настоящему. Из пачки учебников и тетрадей торчал обломок стрелы, почти пробившей всю стопку. Фестивальное настроение, царившее в моей душе после причаливания, как-то незаметно исчезло и сменилось озабоченностью. И тогда же я первый раз задал себе вопрос: «А где я собственно нахожусь?».

Наверное, будь я постарше, то начал бы паниковать, метаться, строить и опровергать теории, но я был обычным советским мальчишкой, попавшим в ПРИКЛЮЧЕНИЕ! И правда, что, солнышко светит и греет, травка растет, птички поют, хм, действительно поют, так что жизнь прекрасна и удивительна! Единственное что омрачало радость от приключения, это то, что мама будет волноваться, но эта мысль тоже довольно шустро смоталась на периферию сознания и там тихонько пропала. Поэтому со стрелы были поочередно сняты учебники и тетради, а сама стрела выдернута из учебника истории и закинута в кусты. Учебники были разложены на песочке – пускай сохнут. Тетради последовали за учебниками – ну да с дыркой. Конечно, будут ругать, но ничего прорвемся, зато будет, что рассказать друзьям: пусть обзавидуются!

Вслед за учебниками на песок последовала школьная куртка, пионерский галстук и рубашка, а после некоторых колебаний и кеды с носками и брюками. Нужно сказать, что я оказался очень обеспеченным робинзоном, у меня оказалась смена одежды – спортивная форма. Жаль конечно, что мы уже перешли на летнюю форму одежды, и вместо треников у меня были спортивные трусы, но зато они были классные! Предмет зависти половины класса, белые с красной полосой и надписью на заднем (он же единственный) кармане «Adidas».

В комплекте к трусам была и футболка, вроде бы обычная, белая, но с левой стороны, там, где у рубашек карман, были маленькие красные буквы «СССР»! Переодевшись, я продолжил инвентаризацию своего имущества, в наличии был сломанный пластиковый пенал с двумя ручками и огрызком карандаша, ластик опять куда-то потерялся, а ведь был, я точно

помню. Большая канцелярская кнопка, ну так на всякий случай. Нож складной туристический «Белка», очень красивый, жутко не удобный и абсолютно, принципиально тупой. Точить его лезвие было бесполезно, сломать невозможно! Во всяком случае, я даже не слышал, о том, чтобы кому-то это удалось!

На руке по-прежнему висели часы «Электроника», тоже моя гордость. Они упорно показывали восемьдесят восемь часов и восемьдесят восемь минут, а также значок будильника. Попытка нажатием на кнопки, причем включая кнопку перезапуска, а для этого идеально подходила шариковая ручка, вызвать в них хоть какую-нибудь ответную реакцию ни к чему не привела. Время часы показывали то же самое. И..., а и все. Инвентаризация закончена.

Кнопка была заботливо спрятана в пенал – а вдруг пригодится. Пенал убран в сумку, а сумка отправлена к прочим вещам сушиться на солнышке. Потрогав кеды, я решил не мешать их высыханию и отправился на осмотр своих владений, следуя вдоль береговой линии. Предположение, что у них уже может быть хозяин, мне даже в голову не пришло. Примерно через час, съев еще четыре груши, я вернулся на место своей якорной стоянки. Ура! Сбылась голубая мечта практически любого мальчишки, а также доброй половины девчонок моего возраста! Я Робинзон! У меня есть собственный необитаемый остров! Ура, и еще раз ура!

Первый день робинзонады, прошел просто великолепно! Я купался, загорал и ел груши. Благая идея построить хоть какое-нибудь укрытие от непогоды, пришла мне в голову только ближе к вечеру, сильно ближе, темно уже почти было. А идея костра, и вовсе, когда уже ни черта кроме линии пляжа и разглядеть было невозможно. Хотя нет, груши, что сорванные, что оставшиеся на ветках с наступлением темноты начали слабо светиться, а когда стало совсем темно, превратились в маленькие тусклые фонарики. В свете, испускаемом грушами, было сложно разглядеть даже соседние листья, но смотрелось очень красиво, жаль, что они все светились только желтым светом, а то выглядело бы как новогодняя гирлянда.

До наступления тьмы я успел наломать веток кустарника, окружавшего пляж и нарвать травы росшей выше по берегу, хоть и немного, но на что-то типа кровати хватило. В темноте было немножко страшновато, но видимо впечатлений последних двух дней хватило, так что стоило мне лечь на импровизированное ложе, как я мгновенно уснул. Если мне что-то и снилось, то я не запомнил.

Проснулся я до рассвета, от того что совершенно зверски замерз. Под утро выпала роса, причем настолько обильная, что вся моя одежда стала настолько мокрой, будто бы я ее постирал и не стал отжимать. Я вскочил и начал изображать на берегу что-то среднее между утренней гимнастикой и пляской шамана из племени тумбу-юмбу, при этом отстукивая очень сложный ритм зубами. Мои шаманские пляски продолжались до тех пор, пока взошедшее солнце, не обогрело землю, ну и меня вместе с ней. Это более чем часовое физическое упражнение отчетливо доказало мне, что необходимо строить хоть какое-нибудь укрытие, иначе так недолго и ноги протянуть.

Постройка шалаша – это очень простое занятие, если у вас есть топор и, хотя бы пару метров крепкой веревки. Если вышеперечисленных предметов нет, то «бьяда-а». Наверное, есть люди, которые могут построить шалаш хоть голыми руками и в тундре, но я к ним явно не относился. До обеда шалаш был построен двенадцать раз, не один из вариантов не перенес столкновения с действительностью даже на стадии каркаса. Легкий ветерок, периодически принимавшийся дуть с озера, разрушал конструкцию или приводил ее к состоянию пизанской башни. После обеда тщетность моих усилий стала очевидна даже для меня самого. Подкрепившись очередной парой груш, я решил провести детальную разведку своего острова.

Часа четыре я слонялся по зарослям груши и кустарника немного похожего на иву, но ничего достойного внимания так и не нашел. Когда прогулка мне уже порядком надоела, и я решил, что пора возвращаться, удача улыбнулась мне. Продравшись через очередные заросли,

я оказался на приличных размеров поляне, почти идеально круглой, метров под семьдесят в диаметре. В самом центре поляны стояло странное каменное сооружение. Громадный серого цвета валун каплевидной формы, во всяком случае, каплевидной формы была та часть, что торчала из земли. К валуну с высокой стороны было пристроено, что-то напоминавшее крыльцо или открытую веранду. Две небрежно отесанные стены из такого же, как валун камня, метра три длиной и два с половиной в высоту, были перекрыты каменной плитой грязно-белого цвета отесанной значительно ровнее.

В результате под крышей получалась комнатка метров в восемь-девять. С валуна открывался вид почти на весь остров, как можно было не увидеть его издалека, было для меня загадкой. Стены стояли крепко и в отличии от моих шалашей точно не собирались падать под порывами ветра. На боку валуна, обращенном в комнату, я увидел вырезанный странно знакомый знак. Круг в центре, которого был равносторонний треугольник, соединенный с окружностью тремя лучами, продолжавшими биссектрисы углов. Сам треугольник был разделен на четыре одинаковых треугольника поменьше, при этом центральный был выпуклым, а три крайних выдолблены. Не испытывая ни малейшего желания еще раз ночевать под открытым небом, я решил переехать на поляну и отправился за своими вещами.

Переезд оказался неожиданно долгим. Раз пять я пересек остров от берега до берега и, хотя вроде бы возвращался по своим следам, не мог выйти на поляну. Заросли надежно скрывали вершину валуна, а залезть на грушу не получалось, слишком гибкими были стволы этих деревьев и не были способны удержать даже мой не великий вес. Наверное, если бы я не знал, что поляна существует, я бы ее так и не нашел.

Но все когда-нибудь кончается. Кончились и мои блуждания. На поляну я вышел уже под вечер. Идея перенести свою постель с берега, не встретила понимания и одобрения у организма. За день я устал зверски. Немножко передохнув, я пошел рвать траву для новой лежанки. Закончил я уже при севшем солнце, ориентируясь по тени валуна перекрывавшей гирлянды светящихся груш. День был завершен, и также как и накануне, я уснул, казалось, раньше, чем успел лечь.

Да, ночевка под крышей имеет свои преимущества! Я проснулся, когда солнце уже взошло, я проснулся сухим, и я проснулся не от холода! Слава крышам!

– Утро красит нежным цветом
Бока древнего камня,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля!

Ну, может не совсем советская и даже не совсем земля, а также не так чтобы с рассветом, но просыпается это точно. Я на острове уже семь дней. Никогда бы не подумал, что буду с удовольствием обустривать быт. За прошедшие дни мной были проделаны тропинки от поляны к бухте «Якорная стоянка» и еще пяток ведущих в различные части острова. Потерять поляну с домом как в первый раз теперь стало крайне проблематично. По берегу был собран плавник и героически перетащен на поляну. Топливом для костра я был обеспечен надолго. Правда самого костра пока что так и не появилось. Книжная мудрость предложила массу способов разведения огня, правда большинство из них требовали наличия не имевшихся у меня предметов, как-то кресало, огниво, трут или на худой конец спички с зажигалкой.

Из способов менее требовательных к материальной части самым простым был разжигание огня с помощью стекла от часов. Часы «Электроника» как выяснилось, не были знакомы авторам приключенческой литературы конца 19 начала 20-го века. С помощью зайчика от их стекла казалось проще заморозить подопытную былинку, чем зажечь. Второй способ, пришедший к нам еще из каменного века и по уверению ученых исправно служивший добрую половину средних веков, а именно ударом камня о камень высечь искру, также потерпел фиаско.

Единственными камнями крупнее песка на острове оказались те, в которых я нашел приют. Последний способ из имевшихся в арсенале моей памяти, был способ, основанный на трении. Все очень просто, в теории, берем большую деревяшку с трещиной, вставляем в нее палочку, так чтобы при вращении палочки края деревяшек терлись друг о друга, кладем рядом мелкие легко зажигаемые былинки, быстро вращаем палочку и вуаля, костер готов. Руки я стер очень быстро. Хотя способ оказался не безнадежным, палочка и коряга в месте соприкосновения прилично нагрелись.

В процессе копания туалетной ямки, на корнях ивообразных кустов были обнаружены плоды, напоминающие арахис. После опробования и признания новой еды съедобной, на весь следующий день я превратился в смесь свиньи с экскаватором. За день было перерыто метров тридцать квадратных грунта и добыто три с небольшим портфеля орехов.

А вот самый простой из всех описанных способов добычи пропитания – ловля рыбы... В общем, рыбу я не люблю, ловить мне ее не чем и наконец ловить я ее не умею. Может быть, поэтому и не люблю. Зато могу поймать лягушку. Но есть, не буду! У меня груши и орехи есть!

На восьмой день робинзонады произошло сразу несколько важных событий. Как обычно проснувшись утром и отправившись на утренние гигиенические процедуры, я понял, что у меня что-то со зрением. Стоило немного расфокусировать взгляд, как вокруг всех предметов появлялась странная разноцветная дымка. Вокруг растений она имела зеленоватый цвет, над землей желтовато-коричневый, над водой голубой. Дымку можно было трогать, и она как будто прилипала к пальцам, вытягиваясь тонкими нитями, а потом отрывалась и нити опадали и пропадали.

Было похоже, на то, как сунуть палец в разогретую солнцем жвачку. Но не чувствуешь ничего, только видишь. Неожиданно выяснил, что над лягушками дымка имеет золотистые вкрапления, причем хорошо различимые на расстоянии. Если вдруг придется переходить на лягушковую диету – то очень полезный навык, или глюк? А черт его знает, Некоторое время поигравшись с разноцветными дымками, и так ничего по их поводу не решив, я занялся более насущными заботами. Костер за это время превратился прямо-таки в идею фикс. Реально он был не так чтобы и нужен, но сам факт робинзонады настойчиво требовал овладения огнем.

После завтрака я вновь приступил к добыче огня. На сей раз руки были обмотаны носками, и огонь просто обязан был покориться! Наверное, он об этом не знал. Когда я окончательно выбился из сил, деревяшки были горячими, даже очень горячими, но гореть совершенно не собирались. Вскочив, я швырнул палочку об корягу с воплем: «Да чтоб ты сгорела, зараза!». И вот тут произошло нечто, наверное, больше всего похожее на чудо. Вслед за палочкой из моей руки вылетел, ну не знаю, как сгусток огня, наверное. Он ударился в корягу, и та вмиг вспыхнула и почти мгновенно прогорела, от коряги остались лишь воспоминания и кучка угля. От неожиданности я плюхнулся на пятую точку и начал активно отползать от пламени.

Упершись спиной в ствол груши, я минут десять переводил свой взгляд с прогоревшей коряги на свою руку и обратно. Спустя еще с полчаса, осмотрев останки коряги, я приступил к экспериментам. Какое-то время я кидал палочки, встряхивал руками, кричал про заразу и предлагал ей сгореть, но ничего не происходило. Пока я тормозил и экспериментировал угли, оставшиеся от коряги, успели прогореть и остыть, так что с костром промашка вышла.

Вообще детская психика необычайно пластична, подумаешь, попал неизвестно как, неизвестно куда, подумаешь, груши светятся, или огонь из руки вылетел и сжег деревяшку нафиг. Эка невидаль. Все происходящее воспринимается как само собой разумеющееся. Я был ребенком, и эта пластичность мне была совершенно не чужда. Мельком погоревав, что костра опять не получилось, я совершенно спокойно отправился по своим делам. Куда-куда, на пляж, разумеется. Лето ведь, понимать нужно!

Самое удивительное, что за весь срок пребывания на острове, я умудрился ни разу не вспомнить о резной хреновине, доставшейся мне от рогатого клыкастого. А тут вспомнил.

Хреновина по-прежнему была на плоту. Вот только когда я взял ее в руки, она начала светиться, почти как груши, правда в отличие от груш светилась она не долго, секунд пять, а потом потихоньку свечение пропало. Да уж, хреновина, резная, на одной стороне вырезаны какие-то письмена по кругу, а вот на другой, точно такой же треугольник в окружности, как и на камне у которого я жил. Прикольно, знать бы еще, что написано.

Под вечер я вернулся на поляну и принес с собой эту резную деревянную штуку с целью проверить действительно ли на ней и на камне одно и то же изображение. Изображено было не просто одно и то же, у них еще и размер совпадал, а главное изображение на камне было негативом по отношению к деревяшке или наоборот. То есть там, где на деревяшке были вырезаны выпирающие элементы, на камне были вырезаны вогнутые и наоборот. Абсолютно не думая о последствиях, я приложил деревянный диск к камню, немножко повертел и вот дерево и камень совместились...

Диск засветился и начал поворачиваться по часовой стрелке без всякого моего участия, Попытка вытащить его ни к чему не привела. А дальше в голове у меня раздался голос, на распев, начавший произносить слова на совершенно незнакомом мне языке. А еще чуть погодя у меня в голове взорвалась бомба. Конечно, никакой бомбы не было, но ощущения были очень похожи. Я упал и отрубился.

Пока я прибывал не в себе – то видел сон. Нет, точнее, я слышал сон. В этом сне я слышал голос, говорящий на странном неизвестном мне языке, который я тем не менее понимал. Голос то становился слабее, почти переходя в шепот, то усиливался и, казалось, орал мне прямо в ухо, многие слова я понимал и не понимал одновременно. Непонятно? Попробуйте дать первокласснику учебник за десятый класс, прочитать сможет, может быть повторит, но вот что поймет, одному богу известно. Голос вещал:

– Провожу сканирование объекта. Объект по классификатору человек. Совпадение генной структуры шестьдесят два, семьдесят шесть, восемьдесят семь. Объект имеет иномирное происхождение. Согласно составленному каталогу объектов этого мира, близкую структуру имели объект номер семьдесят шесть тысяч тринадцать и двести двадцать четыре тысячи шестьдесят семь. Последнее наблюдение близкого объекта двести девяносто два цикла назад. Попадание исследуемого объекта ориентировочно сквозь межмировую щель при спонтанном выбросе В-энергии накопителями класс М. Требуется дополнительное исследование. Объект обладает потенциалом В-класса в 96 баллов. Подкласс С. Подклассы Ж и Н выражены слабо. Собственный запас В-энергии объекта равен четыре тысячи двести шестьдесят два и семь десятых процента от нормы. Возможности канала аккумуляции В-энергии ноль целых четыре десятитысячных от относительной нормы согласно классификатору ЧВ. Контакт объекта с модулем произведен с помощью ключа доступа первого класса. Объект имеет ранг – оператор. Доступ в модуль разрешен. Объект не имеет В-метки ключник. Объект имеет ранг – чужак. Доступ в модуль запрещен. Объект представляет интерес для дальнейшего изучения. Доступ в модуль разрешен частично. Конфликтная ситуация. Требуется помощь оператора. Оператору направлен вызов. Оператор не отвечает. Последний сеанс связи с оператором двести девяносто два цикла назад. Конфликтная ситуация. Запустить протокол девяносто два бис три. Поиск нового оператора. Структур, отвечающих критерию оператор на сто процентов, не обнаружено. Продолжаю сканирование. Обнаружена структура, отвечающая критерию оператор на девяносто два процента. Проверка потенциала структуры. Потенциал структуры не достаточен. Рекомендуется установка блоков первичного накопления В-энергии. Рекомендуется расширение канала аккумуляции В-энергии в тысяча семьдесят шесть раз. Вероятность успешной операции девяносто четыре процента. Значение выше порогового значения. Вероятность успешного слияния личностной информационной матрицы оператор со структурой объекта тридцать семь процентов. Вероятность успешного завершения слияния ниже порогового значения. Вероятность успешного слияния безличностной информационной матрицы оператор

со структурой объекта восемьдесят семь процентов. Вероятность успешного завершения слияния выше порогового значения. Начать слияние. Установка блоков произведена. Расширение канала произведено. Загрузка матрицы произведена. Начинаю активацию....

Когда я пришел в себя, была ночь, и еще мне было плохо. Очень плохо. Меня тошнило, болела голова, причем, так что ее хотелось оторвать и выбросить. Болело и крутило в животе, при этом я был весь в холодном поту, а ноги и руки противно тряслись, особенно тряслись ноги и не выражали готовности к работе по передвижению тела из точки А в точку Б. Кое как помогая ногам руками я дополз до туалетной ямки. Всю ночь меня попеременно то несло, то рвало, неудержимо как Штирлица на родину. С рассветом я толи упал в обморок, толи заснул.

Я проснулся. В голове было пусто и гулко как в колоколе с вырванным языком. А потом в этой пустоте зародился шум. Он был глухим и каким-то вязким, от него хотелось отмахнуться и вернуться к гулкой пустоте, он то ненадолго затихал, то вновь возвращался. Наконец шум оформился в мысль, и эта мысль зудела где-то на периферии сознания, назойливым комаром. Постепенно мысль с периферии переместилась к центру, а потом заполнила все сознание и наконец, была сознанием осознана. «Активация матрицы произведена успешно. Слияние выполнено успешно. Полная распаковка баз будет осуществлена в течении десяти суток. Оператору рекомендуется перейти в кабину управляющего полуавтоматического модуля-разведчика серии МР-211К бортовой номер 749 и оставаться в ней до полной распаковки информационных баз».

– Нет, Олег, ты не прав. Нет никаких более прогрессивных формаций, последовательно сменяющих друг друга. У тебя уже давно распакованы базы по социальной инженерии, уж не поленись, вспомни. Социальных моделей, по которым способно самоорганизоваться человеческое общество, всего две. Это общество принуждения и общество сопричастности или иначе индивидуалистов и коллективистов. В терминологии твоего мира это рабовладение и феодализм. И это взаимоисключающие друг друга модели.

– Ладно, хорошо. Объясни разницу между ними.

– Лентяй. У этих моделей есть одно основополагающее различие. Ответственность. Рабовладелец не связан ответственностью со своим рабом. Он не коей мере не обязан как-либо заботиться об интересах своего раба, любое его действие по отношению к рабу всегда правильно, любая подачка которую он бросает своему рабу это всегда его прихоть и блаж, но никак не обязанность. И наконец, рабовладельческое общество лишено вертикальных социальных лифтов. Раб никогда, и не при каких условиях не сможет сменить свое подчиненное положение и стать хозяином. Даже если он формально становится свободным, его никогда не пустят в пул тех, кто принимает решения. Для таких «бывших» рабов придумали морковку, в развитых обществах, ее называют входение в средний класс или малый бизнес.

– А при феодализме, что не так?

– Нет. Феодал связан со своим подчиненным обоюдной ответственностью, обоюдной верностью и обоюдной службой. Феодал обязан заботиться о своем подчиненном. Его действия по отношению к своему подчиненному регулируются, прежде всего, здравым смыслом, у них общая цель, и достигнуть ее самостоятельно не способен ни один из них. Феодал не может отмахнуться от интересов своего подчиненного, он лишь на определенное время способен обуздать эти интересы ради общей пользы. И дар феодала подчиненному это именно дар за верность и службу, а не подачка рабу. При Феодализме, особенно в развитых обществах, вертикальные социальные лифты работают, причем работают в обе стороны. Умный и трудолюбивый способен с самого низа добраться до самого верха феодальной пирамиды. А глупый и ленивый скатиться к самому ее подножью. Если посмотреть на графическое выражение этих моделей, то рабовладение – громадный прямоугольник «рабов», узенькая прослойка «свободных или среднего класса» и крошечный треугольничек или прямоугольничек сверху «хозяев»

рабовладельцев». Феодализм – пирамида, монолитная пирамида, где каждый является сеньором для одних и подчиненным для других, и так до самого верха, при этом правитель феодального общества оказывается заложником и выразителем интересов всего общества.

– Что-то в нашем средневековье я не помню такого благолепия.

– А ваше средневековье и не было Феодализмом в чистом виде. На протяжении всего периода средних веков, ваш Феодализм периодически сползал в различные варианты рабовладения, пока, наконец, не проиграл схватку рабовладельческому обществу, называемому у вас Капитализмом. Кроме того, даже в ваши средние века, через чур заигравшийся в рабовладение феодал всегда рисковал получить стилетом в бок или вилами в брюхо. К тому же историю вашего средневековья писали победители – рабовладельцы. Неужели ты допускаешь даже мысль, что победитель скажет о побежденном что-то хорошее. Тем более даст кому-либо возможность усомниться в том, что устоявшийся порядок вещей самый лучший и правильный?

– Брр... Ну, это ты уже хватил. Капитализм – это рабовладельческое общество?

– Конечно. При капитализме налицо все признаки рабовладения. Хозяин не несет перед так называемым «наемным работником», никакой ответственности, нужен работник – взял, не нужен – выбросил за ворота. Сдох на работе или заболел – взял нового. Абсолютная свобода от ответственности. Наличествует морковка среднего класса, причем даже расширенная малым бизнесом и свободой предпринимательства. Если очень постараться капиталистический раб способен забраться за этой морковкой на ступень среднего класса, но еще проще с этой ступени скатиться назад, и вовсе невозможно перепрыгнуть с нее на ступень хозяев-капиталистов. Все социальные гарантии, которое дает капиталистическое общество, это либо красивые слова, либо вынужденная временная мера в период борьбы с той или иной феодальной системой. То есть та самая подачка с хозяйского стола. А самым страшным в системе капиталистического рабовладения является непонимание большей частью рабов – что они рабы.

– Неожиданно. А социализм?

– Это чистейший феодализм. Причем в случае твоей страны уже практически обреченный.

– Почему? С чего ты взял? Как это обреченный? Да ты...ты...

– Не горячись.

– Да пошел ты! Жестянка чертова!

– Вспомни, на какие группы делится общество.

– Эээ... Воины, священники, торговцы, ремесленники.

– Расшифруй.

– Названия условные конечно. Воины – не обязательно военные, группа людей привычных к быстрому принятию решений, готовых экспериментировать и искать новые пути. Готовые к жертвам, в том числе жертве собственной жизнью, для выживания общества, или ради продвижения общества по пути прогресса. Наверное, их еще можно назвать творцами.

– Ну, в принципе правильно. Ты забыл упомянуть, что выходцы из этой группы являются идеальными правителями при Феодальной системе. Кроме того, они склонны к крайне жестким решениям, порой граничащих с жестокостью. Дальше.

– Священники или хранители. Тоже условное название. Группа людей – охранителей полученных знаний. Как правило, связаны с той или иной религией. Являются идеальными вторыми при правителях воинах. Не склонны к необдуманым решениям даже при быстрой смене ситуации. Стараются принимать решения по уже проверенным схемам. Будучи на своем месте являются прекрасным предохранителем общества от потрясений и социальных экспериментов. Что еще. Из их рядов выходят прекрасные судьи, врачи-практики, учителя, как я уже говорил советники руководителей. Все вроде бы.

– Не все. Представители этой группы часто склонны к фанатизму. При попадании на высокие руководящие посты склонны вообще не принимать решения, авось само образуется.

Патологически боятся инноваций. В большинстве случаев идя по проверенному пути, не отслеживают последствий, что часто приводит к прямо противоположным результатам, чем было задумано. В периоды спокойствия и мира становятся идеальными руководителями, при которых происходит спокойный рост культуры и благосостояния общества. Но долгое пребывание у власти «священников» может привести общество к застою или даже к гибели. В моменты потрясений и кризисов руководители из их числа, становятся смертельно опасны для общества. Дальше.

– Что у нас дальше. Торговцы. Что о них говорить, торгуют помаленьку, в названии все сказано.

– Нет. Ты не прав. Ты категорически не прав. Торговцы – это носители философии принуждения. Это лживые и беспринципные люди, склонные к словоблудию, льстецы и предатели. Люди, воспринимающие все вокруг и саму жизнь как товар. И подчиняющие свою жизнь лишь одной алчности. В феодальном обществе эти люди занимают самую низшую ступень, а в рабоче-владельческом самую высокую. В развитых обществах помимо торговли для них открывается множество путей. Представители этой группы постоянно пытаются прорваться в так называемую «Культуру», и горе тому обществу, которое их туда допустило. Модные писатели, журналисты, пророки всех мастей, актеры, режиссеры, поэты и живописцы основатели новых стилей и направлений, аферисты – вот лишь малая доля доступных и желаемых ими мест. Из их среды выходят уголовники и продажные чиновники, политики и юристы. И имя им легион. Так что одним из самых важных дел, для общества Сопричастности, является контроль и удержание этого класса в самом низу общественной пирамиды и по возможности уничтожение этой группы. Ты понял?

– Да уж. Как-то иначе я себе все это представлял. Ладно, продолжим. Ремесленники – самая большая часть общества, по большому счету само общество, так как представителей трех ранее перечисленных групп по сравнению с этой исчезающее малое количество. Обычные люди. Хорошие и плохие, хороших больше. В большинстве своем ведомые и управляемые. Куда поведут туда и пойдут. Являются производящей основой общества. Сильно зависят в своих мотивациях от «так принято» и «так все делают». Редко морально стойки. Склонны поддаваться узаконенным порокам, при этом если в обществе выработаны высокие моральные критерии, то будут «как все», способны к самопожертвованию, если верят, что их дело правое. Под воздействием словоблудия Торговцев легко предают прошлые идеалы и надевают рабские ошейники. В большинстве своем, принципиально социально необучаемы. Готовы наступать на одни и те же грабли даже в течение жизни одного поколения. Пожалуй, все.

– Я считаю, что сейчас ты сам ответил на вопрос, почему общество твоей страны обречено.

– Может быть ты и прав, но конкретизируй.

– Пожалуйста. В момент образования твоей страны у власти стояли воины, многие из них были глупы и жестоки, но они двигали страну вперед семимильными шагами. После гибели вашего Вождя-воина и его приемников, к власти пришли священники, ведь коммунизм – это тоже религия, но они лишь идеальные вторые. В мире на тот момент было относительно спокойно, поэтому их власть на первых порах была искренно поддержана обществом. Пинок, который получило общество от Вождей-воинов, еще на протяжении долгих лет позволял обществу расти вверх. Постепенно движение замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Вожди-священники оказались не готовы руководить в такой ситуации, но и уступать место вождям-воинам они тоже не захотели. Более того они стали откровенно бояться воинов, и всячески вычищать их из властных структур. В этом им с громадным удовольствием помогали Торговцы, на тот момент еще не вошедшие во власть, но уже практически полностью оккупировавшие Культуру общества. Собственно, ты застал последние годы феодализма в своей стране, в управляющих структурах уже полно торгашей и, хотя до сих пор их меньше чем священников, это уже

ничего не решает. Воинов в ваших управляющих структурах нет, и предпосылок для их появления тоже нет. Скорее всего, Торговцы будут действовать проверенным временем способом, создание ситуации, в которой Священники, применяя проверенные методы, раз за разом будут терпеть неудачу. При правильной подаче информации, а средства информации частично уже в руках Торговцев, так что подача будет правильной, в неудачах будут винить не отдельных некомпетентных управленцев, а всю систему. Результатом может быть только одно, недовольство общества, революция сверху, свержение феодальной системы и переход к рабовладению, сначала мягкому, но по мере укрепления власти Торговцев все более жесткому.

– Но почему, как это стало возможно?

– Ахиллесовой пятой феодализма является передача и наследование власти. Общества сопричастности в этой точке значительно более уязвимы, чем рабовладение. Феодализм значительно более требователен к обучению и интеграции молодого поколения в общество их отцов. Малограмотный и дурной отпрыск рабовладельца при всем желании не сможет, во всяком случае, быстро, разрушить систему. А вот аналогичный отпрыск феодала разрушит ее мгновенно. А ведь простейшей и традиционной является передача власти от отца к сыну. Что делать если наследник не способен заменить родителя? Искать замену на стороне? А как же родительская забота и любовь? Масса вопросов. Мало кто, даже из Воинов, способен ради успеха Дела поступиться интересами детей. А из прочих групп и вовсе единицы. Поэтому во все времена Феодальная система была вынуждена выкручиваться, придумывая массу писанных и неписанных законов наследия. Но все эти законы худо-бедно работают, только до тех пор, пока общество не развито и у власти остаются Воины. В развитом обществе, вопросы наследия резко обостряются. Руководитель особенно крупный, даже понимая, что наследник не тянет, постарается приткнуть его на какое-нибудь не очень ответственное, но «теплое» местечко. Количество этих «теплых» местечек растет. Обиженные наследники, не занятые ничем полезным, но обеспеченные благами по максимуму, сбиваются в стаи, в которых очень комфортно чувствуют себя Торговцы. И вот одно-два-три поколения и в обществе сформирована «пятая колонна» индивидуалистов. Причем «колонна», имеющая в обществе завидные связи, консолидированная и готовая к действию. Противоборствовать этому очень тяжело. Наша цивилизация встретила еще только две, в которых этот вопрос был так или иначе решен, и которые смогли выйти на планетарный уровень развития.

– А остальные?

– А остальные погибли.

– Как погибли? Стали рабовладельческими?

– Нет. Совсем погибли. Если рабовладельческая система побеждает на этапе развития близком к вашему, то общество деградирует, и, как правило, погибает за сто-двести лет. Во всяком случае, примеров обратного, нам не известно.

М-да, уж. Сто-двести лет и хана Земле... Приплыли.

Я в модуле. Я в модуле уже двадцать два дня. Приведенный выше разговор, это я с ИИ модуля разговаривал, с его личностной матрицей точнее. ИИ – это искусственный интеллект, типа наших компьютеров только мощнее в миллиарды, а может и больше раз и на каком-то другом принципе основанный, я пока что не разобрался. У ИИ несколько личностных матриц и он их подбирает в зависимости от ситуации. Поэтому создается впечатление, что ты с разными людьми говоришь, а на самом деле собеседник у меня один. Вообще модуль это только звучит так пренебрежительно, по факту это здоровенный, космический или как он по-местному называется межмировой корабль. Принцип у него другой он создает В-пробой и прыгает от одного мира к другому. А я теперь – оператор этого модуля. Только оператор, это не как у нас там, оператор ЭВМ или станка с ЧПУ. Нет. Оператор – это должность такая. Полностью Оператор реальности. По штатному расписанию в модуле должно быть трое. Навигатор, опе-

ратор и корректировщик. Но старого экипажа уже очень давно нет. И что с ними случилось модуль не в курсе.

Модуль закачал в меня массу информации, которую оператор должен знать, и я теперь ее учу или, наверное, правильней вспоминаю. Я ее как бы знаю, но не помню, и нужно расслабиться, и вспомнить. Я так много теперь знаю, что аж самому страшно, куда там выпускникам институтов. А в перерывах между «вспоминаниями» мы с ИИ беседуем на разные темы. Вот так и живу. А еще я теперь, даже не знаю, как правильно сказать, ладно, я теперь волшебник, прям как в сказках. Только волшебник-недоучка. Простейшие вещи сделать могу, а вот что посложнее пока нет, учиться еще нужно. Вот и учись потихоньку, корабль, ну в смысле модуль, изучаю, с ИИ беседую и пытаюсь всю эту кашу у себя в голове как-то разнести, классифицировать и научиться использовать.

Молния. Щит земли. Еще одна молния. А мы ее в электромагнитную ловушку. Не будем столь прямолинейны, техно-волшебник я, в конце-то концов, или погулять вышел. И сразу три огненных шара в сторону пригнувшейся фигуры, перебегающей справа. Так один спекся. В прямом кстате смысле. Под ногами начинает шевелиться и бугриться земля. Похоже корни. Отпрыгиваю и заморозкой их. Отшевелились. Где же этот хренов громовержец? И, похоже, есть еще второй. Или он универсал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.